

О НЕИЗВЕСТНОМ

О «Маскараде» в день рождения Мейерхольда

Независимая газ. - 1996. - 16 февр. - с. 7

Николай Шейко

Собрание

ЭПИГРАФОМ к своему «Маскараду» Мейерхольд мог, подобно Пушкину, поставить слова Горация «Eхegi monumentum». Величайший из спектаклей мирового театра — это прежде всего памятник своему создателю, потом уже имперской России, уходящей эпохе, «серебряному веку» и прочая, прочая, прочая. Много таких определений придумано, много еще придумано будет.

Мейерхольдовский «Маскарад» заключает в себе провидческий, трансцендентный смысл, эзотеризм «великого маскарада, именуемого жизнью», маскарада, на котором бал правит Незвестный — князь тьмы, Тифон, претидиджитатор венецианского карнавала, жестокий агел, посланец Рока.

А еще Незвестный — наемный убийца. Убийца Пушкина, убийца Лермонтова, убийца Мейерхольда...

Сочиненный Мастером «Маскарад» — это сложнейшая игровая партитура с обязательным пластическим знаком («точкой»), партитура действия в драматическом спектакле, не уступающая по точности требованиям партитуры музыкальной, это — чудо композиции, это — царство гармонии, это — необъятный мир фантазии с ожившими игральными картами, персонажами commedia dell'arte, «Тысячи и одной ночи», индусами и бухарцами, турчанками, испанцами, китайцами, татарками; наконец с карликами, шутами, рыцарями, амурами, жирафами, бесконечным множеством Ноева ковчега и с замыкающим все фантомом Смерти с косой в руке.

«Маскарад» Мейерхольда / Головина — это 300 тысяч золотом и 4000 эскизов, это зловещий красно-черный Главный занавес, пять спускающихся с колосников изумительных занавесов, колдующих сценическим пространством,

Выступление Николая Шейко прозвучало в день рождения Мастера 10 февраля в мемориальной квартире Всеволода Мейерхольда в Брюсовом переулке. Тогда же Валерий Фокин вручил премии трем молодым режиссерам — мейерхольдовским лауреатам.

вом, в котором вместе со множеством персонажей смешан целый мир предметов, ширм, карт, невиданной бутафории — и ни одной вещи подлинной. На сцене, говорит режиссер, «все настоящее кажется фальшивым, а фальшивое — настоящим». Вся мебель, бутафория, реквизит больших, чем в реальной жизни, размеров сделан по эскизам Александра Яковлевича Головина специально для спектакля, даже посуда, придуманная художником, изготавливается на стекольном заводе.

«Маскарад» Мейерхольда — Головина — это царство ритма, полифонизм движений и леденящий ужас статичности, вереница масок, отраженных в матовых зеркалах, — наследия «театральной эпохи Венеции, которая для многих за последнее время была единственным источником жизненной правды...»

Мейерхольдовский «Маскарад» — это 6 лет репетиций плюс 18 дней стремительного выпуска, спасшего спектакль от расправы нового главного режиссера Александринки небезызвестного Евтихия Павловича Карпова.

«Маскарад» в Императорском Александринском театре, исполнявшийся при зажатом свете в зрительном зале, — это гимн бессмертному творению Росси, торжество театра Лермонтова, эманация Глинки, единственный в своем роде эгзегор Мейерхольда, Головина, Глазунова, Гнесина, Соловьева, Юрьева, Далматова, Рожиной-Инсаровой, Горин-Горайнова, Тиме, других великолепных актеров, безвестных костюмеров, слуг сцены, машинистов, разноликих зрителей, адептов, театральных интриганов, насмешников и зоилов...

Александр Кутель сказал, что Мейерхольд «строил «Маскарад», как некий фараон свою

пирамиду». Реплика эта оказалась пророческой.

25 февраля 1917 года состоялась премьера мейерхольдова «Маскарада». Доктор Дапертутто уже растворился в жизни предыдущей, зато Незвестный начал свою роковую слежку за Мастером: «Всегда с грустным лицом, всегда в грутом наряде...»

... И когда Всеволод Эмильевич, лишенный своего театра, одинокий и страдающий, 20 июня 1939 года ночью («несчастье с вами будет в эту ночь») вошел в свою квартиру на набережной Карповки, его поджидал Незвестный, чтоб истязать и расправиться с ним 2 февраля...

Незвестный убил Зинаиду Николаевну Райх.

Незвестный бросил бомбу в «Маскарад» — единственный спектакль, переживший своего творца.

На пороге третьего тысячелетия можно сказать, что «Маскарад» стал прощанием Гермеса Трисмегиста, явлением Театрального Духа, после ослепительного аккорда сценических конкордант 20-х годов — может быть, навсегда уступающего помостки опрометчивым наследникам, поглощенным манией самоидентификации и на исходе нынешнего столетия дружно взявшихся за дело. Ведь исчезла же когда-то commedia dell'arte под натиском прогресса цивилизации и культуры. Исчезла.

Ход истории неотменим, говорят нам. Исчезла, вот и хорошо.

Венеция. Ultimum refugium. Привал комедиантов. Здесь «птичку зеленой колдует Карло Гоцци». Кажется, первым сказал об этом в наше благословенное время новейший зороастр Владимир Набоков.